

Е Сюймэн пересчитал всех в уме и с горечью обнаружил, что среди его знакомых нет ни одной девчонки, с которой у него были бы нормальные отношения!

Он снова отчаянно посмотрел на Се Цзиньлани:

— Ни за что, ни единой помощницы нет! Что же делать?!

Глядя на убитый вид своего друга детства, Се Цзиньлань лишь молча вздохнул с бесстрастным выражением лица, в котором читалось всё отчаяние из серии «этого дурака уже не исправить».

Он взял со стола стакан с водой и неторопливо сделал глоток.

Промочив горло, он заговорил своим излюбленным монотонным тоном, назвав имя, от которого Е Сюймэн чуть снова не подпрыгнул:

— Твоя двоюродная сестра, Чжан Тин.

— Тьфу! — Е Сюймэн едва не поперхнулся собственной слюной. — Кхе-кхе-кхе... Кто?! Чжан Тин?!

Та самая двоюродная сестра, которая старше его на два года, с самого детства забавлялась тем, что «гнобила» его, обладала взрывным характером, острым языком, стремилась выйти замуж за богача и стать светской львицей, а её соцсети пестрели постановочными селфи?!

— Она твоего возраста, внешне вполне хороша собой, к тому же... — Се Цзиньлань сделал паузу, словно взвешивая слова. — К тому же она обожает выставлять себя напоказ в соцсетях. Учитывая её характер и то, как легко она принимает всё новое, вероятность того, что она тебе поможет, выше восьмидесяти процентов.

Анализ Се Цзиньлани был четким и логичным, словно решение математической задачи.

Он опустил стакан и посмотрел на Е Сюймэня с абсолютно спокойным видом, который так и говорил: «Оптимальное решение найдено, действуй».

Е Сюймэн застыл на месте, лихорадочно соображая.

Чжан Тин... Этот ходячий кошмар... Хотя она с детства над ним издевалась, в критический момент, кажется... и впрямь только она одна способна спасти его из этого огня да в полымя?

К тому же, раз она так обожает фотографироваться, сделать снимок под названием «глубокая привязанность брата и сестры» для неё наверняка проще простого?

Правда, потом придется раскошелиться на какое-нибудь грандиозное угощение...

При мысли о грядущем «девятом вале» насмешек со стороны двоюродной сестры Е Сюймэня невольно передернуло.

Но, взглянув на лежащий экраном вниз телефон на столе, а затем на ледяное лицо Се Цзиньлани, на котором было крупно написано «это единственный рабочий вариант»...

Он стиснул зубы, и на его лице появилось мужественное выражение обреченности, словно он собрался отрубить себе руку.

— Ладно! Была не была! В любом случае это лучше, чем сойти за какую-то «сладкую жену»!

Е Сюймэн яростно хлопнул по столу так, что несчастная куриная ножка подпрыгнула и прокатилась еще полкруга.

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами, с решимостью человека, идущего на плаху,

открыл чат с контактом, подписанным как «Демоница Чжан Тин».

Глубоко вздохнув, Е Сюймэн приступил к записи самого трудного, самого жалкого и унижительного голосового сообщения в своей жизни:

— Сестричка... Дорогая, прекрасная, лучшая во всей вселенной сестричка Тин-тин... Спаси меня!!! Твой младший брат... вляпался по-крупному!!!

Сумерки сгустились, зажглись первые фонари.

Строгая черная спортивная машина Шэнь Инчжоу грубо проехала по краю тщательно подстриженного газона перед старинным особняком семьи Шэнь и резко затормозила у фонтана.

Широким шагом он пересек открытую галерею, и его дорогая итальянская обувь ручной работы зазвучала глухим, давящим эхом по гладкому полу.

Из тяжелых резных решеток гостиной струился теплый желтый свет и доносился приглушенный говор.

Уголки губ Шэнь Инчжоу изогнулись в ледяной усмешке, и последняя искра тревоги из-за «тяжелой болезни» матери окончательно погасила та волна раздражения и досады от того, что его просто-напросто провели.

Он резко толкнул дверь.

Под огромной хрустальной люстрой в самом центре дивана восседал Шэнь Цзяньчэн. На нем была безупречно выглаженная повседневная рубашка, в руках он держал газету, но в строчки даже не вглядывался.

Рядом с ним ухоженная госпожа Шэнь элегантно потягивала горячий чай из пиалы, над которой поднимался легкий пар.

Оба выглядели пышущими здоровьем, и в помине не было никакого сходства с «тяжелобольными»!

Давление в гостиной с приходом Шэнь Инчжоу мгновенно упало на несколько градусов.

Его острый взгляд скользнул по лицам родителей и наконец остановился на лице Шэнь Цзяньчэна, с трудом сдерживавшего гнев.

Ничуть не удивившись, он даже не приподнял брови — из его горла вырвался лишь тихий, пропитанный едким сарказмом смешок.

Будто никого вокруг не замечая, он подошел к одиночному креслу в стороне и с беззаботной грацией рухнул в него.

Серебряный портсигар с сухим щелчком откинулся, из него выскользнула тонкая сигарета, которую он зажал в зубах.

Звук металлической зажигалки прорезал тишину, синеватое пламя заплесало, делая его бесстрастное лицо еще более резким и суровым.

Густой дым поплыл вверх, Шэнь Инчжоу слегка откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу, а локтем небрежно оперелся на подлокотник.

От всей его фигуры веяло непринужденным презрением и полнейшим равнодушием из разряда «ну-ка, покажите, что вы на этот раз удумаете».

Такая манера держаться — так, словно он пришел не в родительский дом, а на какую-то скучную светскую встречу — наконец вывела из себя собеседника напротив.

— Инчжоу! — Шэнь Цзяньчэн с грохотом швырнул газету на журнальный столик из желтого палисандра. Раздался оглушительный звук удара, от которого вода в чашке расплескалась. — На кого ты похож! Только пришел — и сразу за сигарету! Тебе плевать на этот дом, на меня и на твою мать!

Шэнь Инчжоу даже не поднял век, лишь затянулся снова, запрокинув голову и медленно выдыхая дым.

Белая дымка поплыла вверх, разделяя его с родителями.

Он не сменил позу, словно слова отца были лишь фоновым шумом, слушать который он не находил ни малейшего желания.

Увидев это, госпожа Шэнь мягко опустила чашку и нежным голосом попыталась разрядить обстановку:

— Инчжоу, твой отец просто переживает за тебя, а я вызвала тебя сюда потому, что у меня не было другого выхода!

— Переживает? — Шэнь Инчжоу рассеянно бросил на нее взгляд, его голос слегка охрип от табачного дыма, а в тоне не было ни капли тепла: — Заманивать меня обратно ложью в стиле «маме совсем плохо!» — это проявление вашей заботы?

Уголки его губ изогнулись в холодной, язвительной усмешке:

— Оригинально.

— Ах ты! — Шэнь Цзяньчэн едва не задохнулся от такой наглости, его лицо покраснело от гнева.

Он резко вытащил из кармана телефон, яростно провел пальцем по экрану и практически ткнул им Шэнь Инчжоу прямо в лицо.

— Сам посмотри, каких дел ты натворил! Если бы мы не заставили тебя вернуться, скоро об этом гудел бы весь Пекин!

— Ты полностью опозорил нашу семью! — Шэнь Цзяньчэн сам не заметил, как повысил голос, вложив в слова всю горечь и досаду разочарованного отца.

На экране телефона красовался тот самый снимок из ресторана, где Шэнь Инчжоу наклонился, чтобы поцеловать Е Сюймэня в щеку.

Ракурс был выбран идеально, игра света и тени создавала двусмысленную атмосферу, а дополняли картину едкие заголовки и комментарии.

Шэнь Инчжоу равнодушно глянул на фото, словно на нем был запечатлен вовсе не он.

— И что? — небрежно бросил он и снова глубоко затянулся.

— Да как ты... — Шэнь Цзяньчэн, окончательно взбешенный его легкомысленным и отстраненным видом, ткнул пальцем прямо в нос сыну, и его рука затряслась от ярости. — Раньше мы с твоей матерью закрывали глаза на то, что ты вытворяешь на стороне, но у тебя хоть капля чувства меры должна быть?!

— Средь бела дня, на глазах у честного народа ты... ты обнимаешь какого-то мужика... Да еще так, что вас сфотографировали и выложили на всеобщее обозрение в соцсети! Куда мне теперь девать свое лицо?!

Его грудь тяжело вздымалась, голос срывался от переживаний:

— Шэнь — единственный наследник в роду! Группа Хуаньюй рано или поздно станет твоей! Неужели ты не можешь наконец взяться за ум?!

— Перестань трепать нервы мне и матери! Хватит втягивать корпорацию во всякую грязную грязь!

Когда Шэнь Цзяньчэн умолк, в гостиной воцарилась тишина, нарушаемая лишь его тяжелым дыханием да едва слышным потрескиванием тлеющей сигареты между пальцами Шэнь Инчжоу.

<http://bllate.org/book/19437/1904452>